

DOI:10.24412/2587-7844-2024-3-4-15

УДК 811

СИНТАКСИС ОБОНЯТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В ПОВЕСТИ В.П. АСТАФЬЕВА «ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН»

И.В. Башкова (Красноярск, Россия)**О.В. Фельде (Красноярск, Россия)**

Аннотация

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью разработки методов синтаксического анализа семантики восприятия в художественном тексте, а также недостаточной изученностью этой семантики в произведениях В.П. Астафьева.

Методологической и теоретической базой исследования стали работы в области семантического, конструктивного и актуального синтаксиса Г.А. Золотовой, Т.В. Шмелевой, И.В. Башковой.

Основные методы исследования – лингвистический и филологический анализ художественного текста, лексико-семантический анализ, структурно-семантический анализ предложения.

Цель работы – выявить типы синтаксических конструкций, репрезентирующих обонятельное восприятие в повести В.П. Астафьева «Последний поклон», и показать их роль в выстраивании текстовой перспективы, в формировании индивидуально-авторской языковой картины мира.

Результаты исследования показали, что в повести В.П. Астафьева «Последний поклон» обонятельное восприятие наиболее детально представлено в рассказах «Запах сена» и «Где-то гремит война». В последнем из перечисленных рассказов значение обонятельного восприятия важно для формирования сюжета, а семантика запаха имеет текстообразующее значение. Показано, что в построении текста автор использует все типы пропозитивных планов: крупный, общий, дальний и закадровый; с помощью разных синтаксических конструкций повышает или понижает коммуникативный вес пропозиций обонятельного восприятия, выстраивая тем самым текстовую перспективу. Кроме того, значимость семантики обонятельного восприятия создается с помощью обращения к прецедентным текстам.

Ключевые слова: *В.П. Астафьев, обонятельное восприятие, запах, синтаксический анализ, семантика, пропозитивный план, текстовая перспектива, коммуникативный вес.*

Постановка проблемы. Реконструкция индивидуально-авторской языковой картины мира является одной из важнейших задач лингвистического исследования художественного текста. Данная задача решается преимущественно с помощью анализа лексики, а конструктивно-семантическому и актуальному анализу предложения и текста уделяется недостаточно внимания. Во многом это связано с тем, что, на первый взгляд, кажется, что типы синтаксических конструкций, в отличие от выбранной автором лексики и использованных в тексте стилистических фигур, слабо отражают индивидуальность автора. Между тем именно синтаксис, конструктивный и актуальный, позволяет

автору расставить акценты, распределить роли между участниками событий, показать значимость той или иной ситуации для произведения в целом (см., например: [Васильева, Коняшкин, 2023]). Значимость конструктивного синтаксиса для создания индивидуально-авторской языковой картины мира можно продемонстрировать на примере того, как представлено обонятельное восприятие в тексте повести «Последний поклон» В.П. Астафьева.

Обзор литературы. В настоящее время существует значительное количество исследований, посвященных творчеству В.П. Астафьева [Гончаров, Романцова, 2023; Зверев, 2020; Ревенко, 2017; Самотик, 2022; Фельде, 2009; и др.]. Т.П. Медведева показала, насколько разнообразна тематика таких работ [Медведева, 2021]. Предпринята попытка исследования лексики запахов и звуков в «Последнем поклоне» [Сальникова, 2014], а конструктивное и актуальное устройство предложений, репрезентирующих восприятие в произведениях В.П. Астафьева, остается вне поля зрения лингвистов. Данное исследование должно закрыть эту лауну и показать, насколько важен для понимания многомерного устройства языковой картины мира художественного текста его синтаксический анализ.

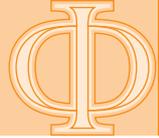
Теоретической и методологической базой настоящей работы послужили идеи Г.А. Золотовой о структуре предложений с семантикой восприятия и размышления Т.В. Шмелевой о взаимодействии конструктивного и актуального аспектов предложения [Золотова, 1982; Шмелева, 2013]. Кроме того, для данной статьи важными являются выводы, сделанные в кандидатской диссертации И.В. Башковой¹.

Для представления восприятия в русском языке существует определенная система структурно-семантических моделей предложений. Общность комплекса семантико-синтаксических компонентов для них «предопределена их общим значением чувственного восприятия субъектом внешних явлений» [Золотова, 1982, с. 222].

«В зависимости от того, какая из составляющих процесса восприятия – действие или состояние субъекта восприятия – репрезентируется в предложении, от эксплицитности представления субъекта (как главного участника ситуации в антропоцентрической концепции языковой картины мира) и самого процесса восприятия можно выделить несколько пропозитивных планов события восприятия» [Башкова, 1995, с. 32]. «Каждый пропозитивный план представляет собой определенный тип пропозиций восприятия или же других пропозиций, в пресуппозицию которых включено значение восприятия, а также систему репрезентаций этих пропозиций» [Там же, с. 33]. Иерархизация пропозитивных и пресуппозитивных способов представления ситуации восприятия выстраивает пропозитивные планы в парадигму.

«Крупный пропозитивный план характеризуется тем, что помещает в семантический фокус предложения действия субъекта восприятия» [Там же, с. 35]. Пр.: Собака обнюхивала меня; Девушка понюхала цветок; Он принюхивается.

¹ Башкова И.В. Грамматика восприятия в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1995.

К крупному пропозитивному плану можно отнести предложения, в которых репрезентируется обнаружение объекта по запаху. Пр.: *Собака унюхала зайца; Лось унюхал волка.*

«Общий пропозитивный план <...> помещает в семантический фокус предложения перцептивное состояние субъекта в отвлечении от перцептивного действия» [Башкова, 1995, с. 65]. Пр.: *Я почувствовал запах зверя; Собака чует запах зайца; Ребенок слышит запах молока* – это предложения с субъектной перспективой. В предложениях с объектной перспективой существительные, обозначающие объект восприятия (запах), стоят в форме именительного падежа, а субъект восприятия репрезентируется существительными в косвенных падежах, представляется как объект воздействия. Пр.: *Меня охватил запах театра; Аромат чая ударил в ноздри; До меня доносится аромат роз.*

Дальний пропозитивный план отличается тем, что в его пропозициях субъект восприятия эксплицитно не обозначен, но используются предикаты со значением восприятия – возвратные глаголы: *чувствоваться, слышаться, ощущаться, различаться* – и краткие прилагательные: *слышен, замечен* и т.п. Пр.: *В саду слышен аромат сирени; В комнате чувствовался запах ладана.*

Закадровый пропозитивный план. В предложениях этого плана значение восприятия входит в пресуппозицию, поскольку в них нет глаголов восприятия и субъект восприятия не обозначен, при этом используются глаголы существования или распространения запаха и существительные, обозначающие запах. Пр.: *Вода воняла йодом; Весенний сад благоухал; На лугу пахнет свежескошенной травой; В кухне стоял запах гари.* Такие предложения описала [Золотова, 1982, с. 213–223].

Таким образом, в пропозициях крупного и общего пропозитивного планов субъект обонятельного восприятия эксплицитно выражен, отличие же пропозитивных планов друг от друга в том, что восприятие в них представлено либо как целенаправленное действие субъекта, либо как его состояние в отвлечении от действия, в предложениях с объектной перспективой воспринимающий назначается на роль объекта воздействия; в пропозициях дальнего пропозитивного плана субъект восприятия не обозначен, само же восприятие выражено возвратными глаголами или краткими прилагательными с семантикой восприятия; в предложениях закадрового пропозитивного плана значение восприятия входит в пресуппозицию.

Т.В. Шмелева предложила понятие текстовой перспективы, которое основывается на мысли о том, что определить «актуальную ценность пропозиции, то есть ее коммуникативный вес, можно обращаясь к шкале коммуникативных весов, фиксирующей соответствие каждому весу определенной формы выражения пропозиции» [Шмелева, 2013, с. 193], где под формой понимается следующее: самостоятельное простое предложение, предикативная единица, входящая в сложносочиненное или сложноподчиненное предложение, «полупредикативная» единица (причастие, деепричастие, инфинитив), свернутая пропозиция (атрибут, актант, сирконстант), невыраженная пропозиция.

Таким образом, наше исследование базируется на следующих идеях:

1) семантика обонятельного восприятия может быть выражена разными структурными типами предложений, каждый из которых делает точкой отсчета тот или иной компонент ситуации восприятия;

2) структурные типы предложений, репрезентирующих обонятельное восприятие, распределены по четырем пропозитивным планам, различающимся тем, какие аспекты ситуации восприятия рассматриваются в предложении;

3) выбор той или иной формы пропозиции формирует текстовую перспективу представления ситуации обонятельного восприятия.

Цель данного исследования – выявить типы синтаксических конструкций, репрезентирующих обонятельное восприятие в повести В.П. Астафьева «Последний поклон», и показать их роль в выстраивании текстовой перспективы, в формировании индивидуально-авторской языковой картины мира.

Материалом исследования послужили предложения, репрезентирующие обонятельное восприятие в повести В.П. Астафьева «Последний поклон».

Основные методы исследования – лингвистический и филологический анализ художественного текста, лексико-семантический анализ, структурно-семантический анализ предложения.

Ситуация обонятельного восприятия содержит следующие компоненты: субъект восприятия, у которого есть орган обоняния и способность к восприятию, объект восприятия, источник запаха. Это полисобытийная ситуация, которая включает наличие и распространение запаха и его восприятие.

Лексика с семантикой обонятельного восприятия, несмотря на то, что составляет незначительную долю в лексиконе «Последнего поклона», играет существенную роль в создании индивидуально-авторской языковой картины мира в этом тексте, где важны все виды чувственного восприятия: зрительное, слуховое, обонятельное, тактильное и вкусовое, – все они создают разные измерения объемного пространства.

Анализ повести «Последний поклон» показал, что в этом тексте представлено следующее количество словоупотреблений одоративной лексики:

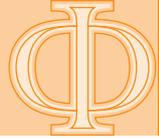
а) существительные, обозначающие запах: *аромат* – 9, *вонь* – 1, *гарь* – 3, *дурманность* – 1, *дух* – 18, *духовитость* – 2, *душина* – 2, ***запах*** – 56, *смад* – 4, *тлен* – 1, *угар* – 3, *чад* – 7;

б) существительные, обозначающие орган обоняния, его части или способность к восприятию запаха: *ноздри* – 2, *нос* – 2, *нюх* – 4;

в) глаголы, обозначающие активное, целенаправленное восприятие запаха (действие): *внюхиваться* – 1, *занюхивать* – 2, *ловить* – 1, *нюхать* – 5, *нюхнуть* – 1, *обнюхать* – 2, *обнюхиваться* – 2, *понюхать* – 7, *принюхаться* – 1;

г) глаголы, обозначающие результативное восприятие запаха: *вынюхать* – 2, *пронюхивать* – 1, *уловить* – 1, *унюхать* – 2, *чуть* – 1;

д) деепричастия, образованные от глаголов со значением результативного восприятия запаха: *уловив* – 1, *услыхав* – 1;

е) глаголы, обозначающие наличие запаха: *вонять* – 5, *выветриться* – 1, *запахнуть* – 6, *зачадить* – 1, ***пахнуть*** – 31, *припахивать* – 2, *пропахнуть* – 2, *чадить* – 3;

ж) причастия, характеризующие объект по наличию запаха: *воняющий* – 3, *запахший* – 1, ***пахнувший*** – 22, *припахивающий* – 2, *пропахший* – 2, *свежепахнувший* – 1;

з) прилагательные, характеризующие объект по наличию запаха: *ароматный* – 1, *вонючий* – 7, *дурманый* – 1, *духовитый* – 2, *душистый* – 4, *запашистый* – 4, *пахучий* – 2, *угарный* – 2, *удушливый* – 2;

и) глаголы, обозначающие распространение запаха в пространстве: *веять* – 1, *нести* – 2, *переть* – 1, *тянуть* – 3;

к) причастия, обозначающие существование запаха: *наполненный* – 1, *объятый* – 1, *пропитанный* – 2;

л) категория состояния: *вонько* – 1.

В представленном здесь списке одоративной лексики жирным шрифтом выделены наиболее часто встречающиеся лексемы в «Последнем поклоне»: *запах* (56 словоупотреблений), *пахнуть* (31 словоупотребление) и *пахнувший* (22 словоупотребления). Это свидетельствует о том, что в тексте преобладают объектно ориентированные способы представления ситуации обонятельного восприятия. В коммуникативный фокус автор помещает объект восприятия, субъект же оказывается за кадром высказывания, поскольку из контекста понятно, кто является воспринимающим. Существительное *запах* в тексте употребляется в разных падежах, выполняя в пропозициях разные актантные роли.

В большинстве рассказов «Последнего поклона» запах представлен как часть среды, значимая, но не самая важная. В предикативных единицах, входящих в сложносочиненные и бессоюзные предложения, пропозиции имеют равный коммуникативный вес. Пр.: *Тем временем вечер прошел, в деревне все смолкло, с задов и от моста слышалась гармошка, гуце и чадней сделался **запах** горящего под ярами навоза, огни бакенов, засвеченные братаном Мишей, пустили тени бегучего света на воду, где-то, еще далеко-далеко, шлепал плечами пароход, правясь на их призывный свет; тупо стучались бревна, обреченно плывущие вдоль боны, спускаемые с Манской запани, сами боны поскрипывали и крякали в ночи дергачами, уже начавшими летовать в лугах, но отсюда, с реки, из-за огорода и домов, неслышимыми...* (Пеструха). Здесь зрение, слух и обоняние работают одновременно, причем зрительных и слуховых впечатлений больше, чем одоративных: семантику звучания содержат единицы *смолкло, слышалась гармошка, шлепал, тупо стучались, поскрипывали и крякали, неслышимыми*; семы зрительного восприятия входят в презумпцию словоформ и словосочетаний *огни бакенов, засвеченные, тени бегучего света, призывный свет, в ночи*; и только в одной предикативной единице дано описание запаха: *гуце и чадней сделался запах горящего под ярами навоза*.

В повести «Последний поклон» наибольшую значимость семантика запаха и обонятельного восприятия приобретает в рассказах «Запах сена» и «Где-то гремит война».

В рассказе «Запах сена» существительное *запах* входит в название, выполняя функцию именительного наименования, по терминологии [Золотова, 1988, с. 22], и в простые предложения, занимая позиции темы и ремы: *Изба (тема) // полна чужого запаха от собачьих дох (рема). Но все эти запахи (тема) // забивал сквозной, всюду проникающий запах сена (рема) (Запах сена)*. Здесь автор использует наиболее эффективные способы усиления значимости семантики запаха, увеличения коммуникативного веса этого смыслового компонента текста.

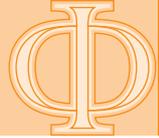
В рассказе «Где-то гремит война», входящем в третью книгу «Последнего поклона», запаху и обонятельному восприятию уделяется особое внимание, поскольку именно оно помогает главному герою спастись от смерти. На примере этого произведения рассмотрим, каким образом автор создает текстовую перспективу представления запаха и обонятельного восприятия.

Главный герой рассказа Витя, обучающийся во время войны на составителя поездов в Красноярске, получил из родного села письмо от тетки Августы со слезной просьбой навестить ее. Витю отпустили, и он в морозный ветреный зимний день пошел один пешком в родную деревню. В рассказе дано описание этого трудного пути, в котором обоняние играет не последнюю роль. Писатель использует разные типы пропозиций и разные пропозитивные планы, репрезентируя обонятельное восприятие.

Первый раз семантика запаха появляется в рассказе, когда дается описание пальто, которое Вите дал в дорогу однокурсник: *Пальто знатное. Оно, правда, не по росту мне, однако красивое и с особенными запахами* (Где-то гремит война). Здесь запах назначен на незначительную роль квалификатива.

В следующем фрагменте значимость обонятельного восприятия повышается: сначала используется крупный пропозитивный план с предикатом *обнюхиваться*, входящем в сложносочиненное предложение, далее следуют два простых распространенных предложения с закадровым пропозитивным планом: субъект восприятия отодвигается в пресуппозицию, текстовая перспектива смещается на запах, который приобретает наибольший коммуникативный вес: *Чужевато мне пальто, да я постепенно обживал его, обнюхивался. Очень оно тяжелое и пахнет разнообразно: табаком, мочалом, тлеющим сукном, но больше всего – вагонной карболкой. Совсем отдаленно, чуть осязимо, будто вздох о мирных временах, доносился из недр пальто запах нафталина* (Там же).

В дороге запах пальто навеивает воспоминания о доме бабушки, в сложносочиненном предложении используется закадровый пропозитивный план: *Поднял воротник пальто – и сразу стало душно, глухо, запахло старым-старым сундуком. Небось сундук был такой же, как у бабушки, где хранились, конфетки-лампасейки, весь в жестяных лентах, с генералами и переводными картинками внутри и с таким количеством загадочного добра, что уж и музею иному в зависть такой сундук* (Там же).

Идти нужно было через замерзший Енисей, наступила ночь, и одинокий путник потерял дорогу. Витя мог не дойти до родной деревни, мог замерзнуть в дороге, но восприятие, обонятельное и слуховое, помогло выжить: *Но нюх и слух мой были еще живы, и живым, неостывшим краем сознания я уловил скрип подвод, голоса, лай собак* (Там же).

В дороге хлеб и его запах становятся источником жизни: *От хлеба, пахнувшего пашней, родной землей, жестяной формой, смазанной автолом, идет она ко мне, эта жизнь, захлестнутая бурей, снегом и железом* (Там же).

Запах хлеба приводит главного героя к размышлениям о жизни: *В одной книге я вычитал, будто жизнь пахнет розами. «Это было давно и неправда!» – так сказали бы фэзэошники-уркаганы. Такая жизнь, если она и была, так мы в нее не верим. Мы живем в тяжелое время, на трудной земле. Наша жизнь вся пропахла железом и хлебом, тяжким, трудовым хлебом, который надо добывать с боя* (Там же).

Здесь закадровый пропозитивный план обонятельного восприятия входит в два сложноподчиненных предложения: сначала в придаточную предикативную единицу, в конце этого фрагмента – в главную, тем самым расставляются смысловые акценты, выстраивается текстовая перспектива, автор сосредоточивает внимание читателя на характеристике тыловой военной жизни фэзэошников.

В ночной темноте Витя провалился меж двух штабелей бревен, с трудом выбрался оттуда, не мог определить, куда ему нужно идти, и только по запаху нашел дорогу: *Я поскреб полозницу, заполз в желоб дороги, раскопал темные катышки конских шевяков, понюхал рукавицу. Она пахла назьмом, конским живым назьмом. Кони прошли по дороге совсем недавно!..* (Там же).

В приведенном выше фрагменте крупный пропозитивный план (целенаправленное обонятельное восприятие) сменяется закадровым пропозитивным планом, где акцент смещается на сам запах. В обоих случаях пропозиции обладают высоким коммуникативным весом, поскольку репрезентированы предикатами простых предложений. Обонятельное восприятие позволило герою рассказа сделать вывод о том, что кони, а следовательно, и люди находятся недалеко, и Витя наконец-то увидел жильё.

Пр.: *Ошеломленный видением, запахом жилья, конского назьма, древесного дыма, какое-то время стоял я под ветром и боялся верить себе* (Там же). В этом предложении наибольшим коммуникативным весом обладает пропозиция, репрезентирующая психическое состояние главного героя, поскольку именно она выражена предикатом; значение восприятия отходит на второй план, оно представлено в роли актанта – каузатива (причины психического состояния субъекта), входящего в причастный оборот.

Витя сомневается в реальности своего восприятия, но сильный запах подтверждает его реальность: *Поблазнило мне: и огонек, и запах жилья. Но в мокрый нос, в неживое мое лицо било запахом назьма, дымом било. Я заставил себя идти*

на запах дыма и нашел то, чего искал (Там же). Во втором предложении представлен общий пропозитивный план обонятельного восприятия, его интенсивность выражена дважды употребленным предикатом *было*.

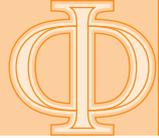
Значение запаха в спасении главного героя описано в следующем фрагменте рассказа: *Вот так, расслабившись, люди замерзают у самого порога, у дверей жилья. И если бы не запах дыма (1), что сверлил мне ноздри (2), густым дегтем плыл мне в горло (3), я перестал бы карабкаться по глухой стене избушки, расчерченной снегом в пазах. Я бы плюхнулся в снег и уснул* (Там же). Пропозиции, репрезентирующие запах и его восприятие, здесь входят в придаточные предикативные единицы, однако их коммуникативный вес высок, это достигается за счет того, что запах репрезентирован трижды (нумерация этих пропозиций дана в скобках), а также за счет ярких метафор (*сверлил ноздри, плыл в горло*) и сравнения (*густым дегтем*).

После рассмотренного фрагмента в тексте «Последнего поклона» следует абзац, в котором представлен образ родного дома, объединяющий разные перцептивные модальности: зрительную, слуховую, обонятельную и тактильную: *Но беспокойным флагом метался дым над землей и напоминал все только живое, теплое: субботнюю баню с легким угаром <...> ключевую, зуб ломящую воду, печку русскую с тихим, верным теплом; вороватый шорох тараканов <...> кисловато-умиротворяющий запах квашни и прело-сладкий дух паренок из кути <...>* (Там же). Здесь запах как объект восприятия стоит в одном ряду с объектами других органов чувств. И конечно, в «Последнем поклоне», как и во многих русских текстах, преобладают зрительные и слуховые образы.

Но в рассматриваемом в этой статье рассказе «Где-то гремит война» далее следует абзац, в котором семантика запаха приобретает текстообразующее значение, становясь главной темой фрагмента текста: *Запах дыма! Привычный с детства, до того привычный, что перестаешь его замечать. Порой и досадуешь на него, когда ест им глаза. Но нет ничего притягательней и слаще дыма. Нет. Где дым – там огонь! Где огонь – там люди. Где люди – там жизнь!..* (Там же).

Здесь *запах* представлен в виде именительного темы (это единственный пример в повести), привычный запах дыма становится символом жизни и родины, что является аллюзией к поэме А.С. Грибоедова «Горе от ума», где процитировано стихотворение Г.Р. Державина «Арфа», отсылающего читателя к мысли Гомера о сладости дыма отечества (см.: [Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений, 2003]).

Таким образом, в рассказе «Где-то гремит война» значение обонятельного восприятия важно для формирования сюжета: обоняние помогает главному герою остаться в живых, семантика запаха имеет текстообразующее значение, запахи хлеба и дыма становятся символами жизни. Автор использует все типы пропозитивных планов: крупный, общий, дальний и закадровый – в построении текста; с помощью разных синтаксических конструкций повышает или понижает

коммуникативный вес пропозиций обонятельного восприятия, выстраивая тем самым текстовую перспективу. Кроме того, значимость семантики обонятельного восприятия создается с помощью обращения к прецедентным текстам.

Список источников

1. Астафьев В.П. Собрание сочинений: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 4: Последний поклон: повесть в рассказах. Кн. 1, 2. 464 с.
2. Астафьев В.П. Собрание сочинений: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 5: Последний поклон: повесть в рассказах. Кн. 3. 384 с.

Библиографический список

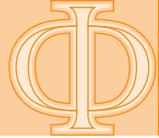
1. Васильева С.П., Коняшкин А.А. Аналитические конструкции разговорного синтаксиса в идиостиле рассказов В.М. Шукшина // Сибирский филологический форум. 2023. № 4 (25). С. 4–13. DOI: 10.24412/2587-7844-2023-4-4-16
2. Гончаров П.А., Романцова А.А. Природа Сибири в произведениях В.П. Астафьева // Наука и образование. 2023. Т. 6, № 2.
3. Зверев В.В. «Последний поклон» В.П. Астафьева и основы крестьянского мира // Крестьяноведение. 2020. Т. 5, № 4. С. 142–161.
4. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.
5. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. 440 с.
6. Медведева Т.П. Астафьеведение последнего десятилетия (обзор литературы) // Литература и культура Сибири: прошлое, настоящее и горизонты изучения: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 29–30 апреля 2021 г. Красноярск: ГУНБ, 2022. С. 61–68.
7. Ревенко И.В. Когнитивные признаки концепта «Война» в произведениях В.П. Астафьева // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. 2017. Т. 8, № 8. С. 169–174.
8. Ревенко И.В. Реализация составляющих концепта «Дом» в «Последнем поклоне» В.П. Астафьева // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2017. № 4 (42). С. 168–177.
9. Сальникова В.В. Лексика запахов и звуков в автобиографической повести В. Астафьева «Последний поклон»: лингвокультурологический аспект // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6 (49). С. 380–382.
10. Самотик Л.Г. Проблемы экологии в произведениях В.П. Астафьева разных периодов творчества // Литература и культура Сибири: прошлое, настоящее и горизонты изучения: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 29–30 апреля 2021 г. Красноярск: ГУНБ, 2022. С. 96–107.

11. Фадеева Т.М. Одорические сложные эпитеты русского языка // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 4-1. С. 100–104.
12. Фельде О.В. Образная составляющая концепта «жизнь» в индивидуальной языковой картине мира В.П. Астафьева (на материале произведений пермского и вологодского периодов) // Юбилейные Астафьевские чтения «Писатель и его эпоха». 28–30 апреля 2009 г. Красноярск, 2009. С. 212–220.
13. Шмелева Т.В. Коммуникативный вес пропозиции // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2013. № 5. С. 189–198.
14. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. 2003. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/988/%D0%98 (дата обращения: 05.09.2024).

Сведения об авторах

Башкова Ирина Венадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: bbashkova@mail.ru

Фельде Ольга Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: feldeo@list.ru

DOI:10.24412/2587-7844-2024-3-4-15

THE SYNTAX OF OLFACTORY PERCEPTION IN V.P. ASTAFYEV'S NOVELLA *THE LAST BOW*

I.V. Bashkova (Krasnoyarsk, Russia)

O.V. Felde (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The relevance of this study is due to the need to develop methods of syntactic analysis of the semantics of perception in a literary text, as well as the insufficient study of this semantics in the works of V.P. Astafyev.

The methodological and theoretical basis of the study are the works in the field of semantic, constructive and relevant syntax of G.A. Zolotova, T.V. Shmeleva, and I.V. Bashkova.

The main methods of research are linguistic and philological analysis of the fiction text, lexical and semantic analysis, structural and semantic analysis of a sentence.

The purpose of the work is to identify the types of syntactic constructions representing olfactory perception in V.P. Astafyev's novella *The Last Bow* and to show their role in building a textual perspective, in forming an individual author's linguistic picture of the world.

The results of the study showed that in V.P. Astafyev's novella *The Last Bow*, olfactory perception is presented in the most detail in the stories *The Smell of Hay* and *Somewhere the War is Rumbling*. In the latter, the meaning of olfactory perception is important for the formation of the plot, and the semantics of smell has a text-forming meaning. The author is shown to use all types of propositional plans in the construction of the text: large, general, long-range, and offscreen; with the help of various syntactic constructions, he increases or decreases the communicative weight of the propositions of olfactory perception, thereby building a textual perspective. In addition, the significance of the semantics of olfactory perception is created by referring to precedent texts.

Keywords: *V.P. Astafyev, olfactory perception, smell, syntactic analysis, semantics, propositional plan, textual perspective, communicative weight.*

List of dictionaries and sources

1. Astafyev V.P. Collected works: in 15 vol. The last bow: A story in short stories. Books 1, 2. Krasnoyarsk: Offset, 1997. Vol. 4. 464 p.
2. Astafyev V.P. Collected works: in 15 vol. The last bow: A story in short stories. Book 3. Krasnoyarsk: Offset, 1997. Vol. 5. 384 p.

References

1. Vasilieva S.P., Konyashkin A.A. Analytical constructions of colloquial syntax in the idiostyle of V.M. Shukshin's stories // Siberian Philological Forum. 2023. No. 4 (25). P. 4–13. DOI: 10.24412/2587-7844-2023-4-4-16
2. Goncharov P.A., Romantsova A.A. The nature of Siberia in the works of V.P. Astafyev // Science and education. 2023. Vol. 6, No. 2.
3. Zverev V.V. "The Last Bow" by V.P. Astafyev and the Foundations of the Peasant World // Peasant Studies. 2020. Vol. 5, No. 4. P. 142–161.

4. Zolotova G.A. Communicative Aspects of Russian Syntax. Moscow: Science, 1982. 368 p.
5. Zolotova G.A. Syntactic dictionary: Repertoire of elementary units of Russian syntax. Moscow: Nauka, 1988. 440 p.
6. Medvedeva T.P. Research of the works of V.P. Astafiev of the last decade (review of literature) // Literature and culture of Siberia: past, present and horizons of study: materials of the all-Russian scientific and practical conference with international participation, April 29–30, 2021. Krasnoyarsk: GUNB, 2022. P. 61–68.
7. Revenko I.V. Cognitive features of the concept “War” in the works of V.P. Astafiev // Man and language in the communicative space: a collection of scientific articles. 2017. Vol. 8, No. 8. P. 169–174.
8. Revenko I.V. Implementation of the components the concept of “Home” in “The Last Bow” by V.P. Astafiev // Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Bulletin of KSPU). 2017. No. 4 (42). P. 168–177.
9. Salnikova V.V. Vocabulary of smells and sounds in the autobiographical story by V. Astafyev “The Last Bow”: linguocultural aspect // World of science, culture, education. 2014. No. 6 (49). P. 380–382.
10. Samotik L.G. Problems of ecology in the works of V.P. Astafyev from different periods of his creative work // Literature and culture of Siberia: past, present and horizons of study: materials of the all-Russian scientific and practical conference with international participation, 29– 30 April, 2021. Krasnoyarsk: GUNB, 2022. P. 96–107.
11. Fadeeva T.M. Odoric complex epithets of the Russian language // Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University. 2013. No. 4–1. P. 100–104 .
12. Felde O.V. The figurative component of the concept “life” in the individual linguistic picture of the world of V.P. Astafiev (based on works from the Perm and Vologda periods) // Jubilee Astafiev readings “The Writer and His Era”. April 28–30, 2009. Krasnoyarsk, 2009. P. 212–220.
13. Shmeleva T.V. Communicative weight of a proposition // Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology. 2013. No. 5. P. 189–198.
14. Encyclopedic Dictionary of Catchphrases and Phrases, 2003. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/988/%D0%98 (access date: 09.05.2024).

About the authors

Bashkova, Irina V. – DSc (Philology), Professor, Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: bbashkova@mail.ru

Felde, Olga V. – DSc (Philology), Professor, Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: feldeo@list.ru